

«Тепличным растением» П. Л. Капица не стал и по своему характеру стать не мог. Хоть ему и удалось добиться относительно «покровительства власти», использовав его во благо науки, но та же власть — академическая бюрократия и политические диктаторы разных рангов — наносила ему не раз глубокие раны...

Чем дальше углубляешься в эту книгу, тем неотвратимее встает вопрос, намек на который еще недавно был бы сочтен по меньшей мере кощунственным: а развивалась ли вообще советская наука? На мой взгляд, из писем П. Л. Капицы может быть извлечен достаточно определенный ответ. А именно: советская наука, рассматриваемая в собственной системе отсчета, в общем и целом несомненно развивалась. Однако качество этого развития было таково, что в контексте достижений мировой науки в 1930—1980 годах наша наука, к великому сожалению, деградировала, и эта ее деградация продолжается по сей день. Книга дает обильную пищу для размышлений о причинах столь печального положения дел.

И. Мочалов,
доктор философских наук.

*

ЮРИЙ ПРОКУШЕВ. И неподкупный голос мой... Поэты России. М. «Современник». 1989. 366 стр.

В новую книгу Ю. Прокушева (тираж 50 000 экз.) вошли статьи, содержащие похвалы русским поэтам от А. Пушкина до В. Сорокина. Обо всех говорится одинаково торжественным слогом, используются устойчивые привычные клише: «Пушкин — это океан поэзии», «Пушкин и Маяковский... Каждый, как океан поэзии, океан жизни»; Есенину, сообщает автор, он посвятил четырнадцать книг из своих тридцати шести и все еще чувствует себя лишь «у берега могучего, прекрасного Океана поэзии...». Своеобразие Есенина, наипаче прославленного книгами Ю. Прокушева, обозначено здесь лишь тем, что он — Океан с большой буквы. Если каждая глава поэмы Е. Исаева «Даль памяти» есть «приток величавой поэтической реки», естественно представить его поэзию как целый бассейн величавых рек, в котором очень много воды, ибо, «войдя в «Даль памяти», вы все время чувствуете себя как бы в центре мироздания, на необъятных просторах Родины»...

Вас. Федорова Ю. Прокушев ставит в один ряд с классиками и называет сначала крупнейшим и выдающимся поэтом современности, потом великим, но Федоров проигрывает по сравнению с Е. Исаевым, ибо его «богатейшее творчество под стать великой Волге», значит, всего-навсего одной величавой реке.

Жизнь Пушкина, сообщает нам критик — это подвиг. Но и И. Никитин тоже «совершил настоящий подвиг в художественном познании действительности своей эпохи». По сочувственно цитируемым автором книги словам А. Прокофьева, С. Бондарчук совершил подвиг одной только экранизацией

«Войны и мира», и, уж конечно, подвиг — вся жизнь самого А. Прокофьева. А также и Д. Ковалева. Доверчивый читатель теряется в догадках, кому же принадлежит самый большой подвиг: Пушкину, Ковалеву, Бондарчуку? Или, может быть, В. Сорокину, аттестующему себя в книге стихами: «Пока поднялся к Музе на порог, не раз была для нас готова плаха? Уж и «плаха», и «не раз». А ведь действительно, из рассуждений Ю. Прокушева и многих приводимых им цитат создается впечатление чего-то многоголового, такого, что руби не руби...

Масштабы, используемые Ю. Прокушевым, величественны. «Лермонтов, Некрасов, Блок, Маяковский, Есенин мыслили в своих произведениях по-государственному масштабно, мудро, исторически точно», поэтому их книги есть в каждом доме; «...такая же счастливая судьба ожидает и поэму Егора Исаева «Даль памяти» — поэму государственного звучания». «Государственный» для Прокушева — высшая похвала, без колебаний прилагаемая к классикам. «Его поэзия как совесть народа», — уверенно пишет критик о Д. Ковалеве. И в доказательство небывалой совестливости и скромности своего друга цитирует письмо Ковалева с просьбой выяснить, почему его обошли орденом. Вообще в книге то и дело цитируются дарственные надписи критику на поэтических сборниках и устные высказывания друзей-поэтов, которые (с налетом канцеляризма, правда) демонстрируют теплые личные отношения Прокушева с большинством исследуемых стихотворцев.

В книге есть немало достойных имен, но решительно нельзя понять, кто из русских поэтов самый достойный: Блок или Д. Бедный, Твардовский или А. Марков, Рубцов или В. Сорокин?

Кстати, именно о последнем сказано, что это «глубинно-народный поэт, совестливый и чистый, как небо России»; «вся поэзия Валентина Сорокина как негасимый, вечный огонь жизни и памяти народной, огонь доброты и совестливости, огонь надежды и любви»...

Помнится, эта статья — «Огонь и ветер России» — печаталась в журнале «Молодая гвардия» (1986, № 7) с подзаголовком «К 50-летию Валентина Сорокина», а за год до этого там же была помещена статья В. Сорокина «Звезды зажигают поэты. О творчестве Юрия Прокушева», совпавшая с шестидесятилетием критика. В. Сорокин вспомнил, как он впервые читал работу Прокушева о Есенине: «Читал, удивлялся и думал: как хорошо, у Сергея Александровича Есенина есть такой умный и верный исследователь. Все написанное Юрием Прокушевым будто сказано мною» (1985, № 6).

В книгу «И неподкупный голос мой...» включены статьи, писавшиеся с начала 50-х годов до второй половины 80-х. Никакой эволюции в творчестве Прокушева за это время не произошло: последние слова в книге — о невозможности для автора «изменить самому себе, а главное — исторической Правде». Думается, читатель и без подсказки поймет, что это совсем не одно и то же.

С. Кормилов.